

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПРАВЛЕНИЯ ЖЕНЩИН, ОСУЖДЕННЫХ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В настоящей статье исследуется проблема исправления женщин, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Автор анализирует гендерную специфику женской преступности и ресоциализации, рассматривая социально-психологические, криминологические и правовые аспекты применения альтернативных санкций.

Ключевые слова: Женская преступность, исправление осужденных, наказания без изоляции от общества, гендерный подход, феминистская криминология.

Проблема исправления лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, при всей ее актуальности, редко рассматривается через призму гендерных различий. Между тем, женщины, составляющие относительно небольшую, но значимую часть контингента осужденных, представляют собой не просто статистическую подкатегорию, а группу с принципиально иными социальными, психологическими и криминологическими характеристиками. Подход к их исправлению, скопированный с мужской модели и основанный на идее нейтрального, бесполого субъекта права, зачастую оказывается не просто неэффективным, но и способным усугубить повреждения, приведшие женщину к конфликту с законом. Возможность исправления женщины, осужденной без изоляции, – это вопрос не только о качестве контроля, но и о способности правовой системы увидеть за проступком сложную биографию, сплетенную из опыта насилия, экономической зависимости, заботы о других и глубокого чувства стыда. Это вопрос о том, может ли государство, применяя санкцию, стать не только карающим, но и восстанавливающим агентом, который учитывает специфические пути женской девиантности и создает условия для исцеления, а не для дальнейшей маргинализации.

Женская преступность, особенно в сфере небольшой и средней тяжести, к которой чаще всего применяются альтернативы лишению свободы, имеет ярко выраженную социально-экономическую и виктимологическую подоплеку. Значительная часть женщин приходит к совершению преступлений (кражи, мошенничества, преступления, связанные с наркотиками) не из стремления к обогащению или криминальной карьере, а как к отчаянной попытке справиться с бедностью, обеспечить детей, вырваться из отношений домашнего насилия или расплатиться с долгами, возникшими из-за эксплуатации. Преступление становится продолжением роли жертвы, единственным, как кажется, доступным инструментом выживания в условиях отсутствия социальных лифтов, поддержки и защиты. Поэтому классическая уголовно-правовая логика устрашения и кары, лежащая в основе многих альтернативных наказаний, бьет мимо цели. Угроза ужесточения наказания (например, замены условного осуждения реальным сроком) не работает для человека, чья повседневность и без того воспринимается как форма непрерывного наказания. Исправление в таком контексте должно начинаться не с требования соблюдать формальные запреты, а с признания и помощи в решении тех первичных проблем – отсутствия жилья, работы, доступа к медицинской и психологической помощи, угрозы со стороны бывшего партнера, – которые и толкнули женщину за грань закона.

Подавляющее большинство женщин, осужденных без изоляции, – матери несовершеннолетних детей. Перспектива разлучения с ребенком в случае нарушения условий отбывания наказания (например, при замене условного осуждения реальным лишением свободы) создает мощный, но парадоксальный стимул. С одной стороны, это сильнейший

мотиватор к формальному соблюдению всех требований инспекции. С другой стороны, этот же страх порождает высокий уровень хронического стресса, тревоги и может подталкивать к сокрытию реальных проблем от контролирующих органов, чтобы не рисковать материнством. Женщина оказывается в ловушке: чтобы сохранить ребенка, она должна демонстрировать благополучие, которого у нее нет, отказываясь тем самым от помощи, в которой отчаянно нуждается. Существующая система контроля в лице уголовно-исполнительной инспекции не настроена на распознавание этих скрытых кризисов. Она работает с фактами нарушений, а не с их причинами. Более того, традиционные обязанности, возлагаемые судом (не менять места жительства, работы, являться на регистрацию), могут прямо противоречить интересам ребенка и матери. Например, запрет на переезд может блокировать возможность женщины с детьми уехать в другой город к родственникам, готовым оказать поддержку и защиту от агрессивного бывшего мужа. Таким образом, наказание, призванное исправить, может консервировать опасную ситуацию.

Глубоким препятствием для исправления является специфическая стигма, лежащая на женщину-преступницу. Если мужчина, совершивший правонарушение, может столкнуться с осуждением за конкретный поступок, то женщина осуждается за нарушение фундаментальных социальных ожиданий, связанных с ее гендерной ролью: быть нравственной опорой, хранительницей очага, «хорошей матерью». Она воспринимается не просто как правонарушитель, а как «падшая», «испорченная», «неестественная». Эта стигма действует с разрушительной силой, подрывая самооценку, лишая надежды на прощение и нормальное будущее. Она резко сужает возможности для реинтеграции: работодатели с большей неохотой берут на работу женщину с судимостью, чем мужчину; соседи проявляют больше подозрительности; даже в семье ее могут отвергать. Осужденная женщина зачастую оказывается в социальной изоляции, которая является прямой противоположностью цели наказания без изоляции от общества. Без поддержки, без сети социальных связей шансы на успешное исправление стремятся к нулю. Система же, ограничиваясь контролем, не занимается разрушением этой стигмы и построением для женщины новых, просоциальных социальных связей через программы наставничества, группы взаимопомощи, содействие в трудоустройстве в инклюзивные коллективы.

Особого внимания требует травма-информированный подход. Исследования последовательно показывают непропорционально высокий уровень пережитого физического, сексуального и психологического насилия в биографиях женщин, вовлеченных в уголовную юстицию. Травма не оправдывает преступление, но объясняет множество сопутствующих проблем: депрессию, тревожные расстройства, химические зависимости, трудности с доверием к авторитетам (включая инспектора УИИ), склонность к ревиктимизации. Традиционный авторитарный стиль общения, принятый в правоохранительных и контролирующих органах, может ретравматизировать женщину, активируя у нее защитные реакции (замкнутость, агрессия, ложь), которые затем интерпретируются как «нежелание исправляться» или «асоциальное поведение». Для исправления такой женщины необходима в первую очередь безопасная среда и отношения, построенные на уважении, эмпатии и сотрудничестве. Инспектор, работающий с женщинами, должен обладать хотя бы базовыми знаниями о последствиях травмы и уметь выстраивать коммуникацию, не усиливающую чувства страха и беспомощности.

Таким образом, возможность исправления женщин, осужденных без изоляции, при современной организации процесса представляется скорее случайностью, чем закономерным результатом. Существующие меры – условное осуждение, обязательные или исправительные работы – не учитывают гендерной специфики и потому часто дают обратный эффект. Они могут временно сдерживать от нового преступления через страх, но не способствуют

разрешению глубинных проблем, приведших к криминалу. Женщина формально «отбывает» наказание, но ее жизненная ситуация, ее психологическое состояние, ее социальный капитал могут не улучшиться, а ухудшиться под грузом судимости, контроля и стигмы. Это создает высокий риск долгосрочной маргинализации и, в конечном счете, рецидива, когда отчаянные обстоятельства вновь перевесят страх перед наказанием.

Для реализации истинного исправления необходим парадигмальный сдвиг от универсальной карательно-контрольной модели к специализированной восстановительно-реабилитационной. Это предполагает несколько конкретных шагов. Во-первых, создание в структуре уголовно-исполнительных инспекций специализированных отделений или кураторов по работе с женщинами, укомплектованных сотрудниками, прошедшими подготовку в области гендерной психологии, травма-информированного подхода и социальной работы. Их нагрузка должна быть значительно снижена, чтобы позволить вести интенсивную индивидуальную работу. Во-вторых, обязательное включение в индивидуальную программу работы с осужденной женщиной не только контрольных мероприятий, но и комплекса поддерживающих мер: помощь в получении жилья, направление на лечение от зависимостей, обеспечение доступа к психотерапии для работы с травмой, юридическая помощь в вопросах защиты от насилия, содействие в трудоустройстве и получении образования. В-третьих, развитие и законодательное закрепление специализированных видов наказаний для женщин, например, «воспитательной работы с обязанностью пройти социально-реабилитационный курс», который был бы альтернативой бессмысленным для многих обязательным работам. В-четвертых, активное внедрение и финансирование программ восстановительного правосудия, которые позволяют женщине загладить вред перед жертвой и сообществом, что может стать мощным катализатором внутреннего изменения и снижения стигмы.

В заключение, вопрос о возможности исправления женщин, осужденных без изоляции от общества, имеет утвердительный ответ лишь в том случае, если само понятие «исправление» будет переосмыслено. Исправление женщины – это не индоктринация страхом, а восстановление ее способности жить в обществе достойно и законно, что невозможно без восстановления ее как личности, часто сломленной насилием, нищетой и социальным отвержением. Это требует от государства не меньших, а возможно, и больших усилий и ресурсов, чем содержание в колонии. Но именно этот путь – путь исцеления и интеграции, а не изоляции и маргинализации – соответствует принципам гуманизма, эффективности и, в конечном счете, интересам общественной безопасности. Инвестируя в создание гендерно-сенситивной системы пробации, общество инвестирует не в «прощение преступниц», а в разрыв порочного круга травмы, бедности и криминала, возвращая женщинам – и в их лице часто целым семьям – шанс на нормальную жизнь. Как писала Симона де Бовуар, «женщиной не рождаются, ею становятся». Преступницей женщина тоже не рождается – ею становятся под давлением обстоятельств. Исправление же – это процесс, в ходе которого она должна получить возможность стать кем-то иным, и государство обязано предоставить ей для этого не только запреты, но и инструменты, поддержку и надежду.

Список литературы:

1. Лурия, Ф.В. Пенитенциарная медицина и права человека / Ф.В. Лурия. – М.: Фонд «Общественный вердикт», 2020. – 256 с.
2. Абрамкина, И.В. Женщины в конфликте с законом: социальные и правовые аспекты / И.В. Абрамкина. – М.: Проспект, 2022. – 192 с.
3. Велиева, Д.С. Гендерные аспекты уголовной ответственности и наказания: монография / Д.С. Велиева. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 216 с.

